

УДК 811 + 821.161.1

ББК 81.2 Рус + 83.3(2Рус=Рус)53

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. О. Г. Твердохлеб
г. Оренбург, Россия

СОМАТИЗМЫ В ПОВТОРЯЮЩИХСЯ РИФМАХ АНДРЕЯ БЕЛОГО

Аннотация: В статье показана значительность в творческом наследии Андрея Белого номинаций частей тела и органов человека как в количественном отношении, так и в художественном. Разные стихи Андрея Белого, написанные им в разные годы, связаны друг с другом повторяющимися рифмовками (рифмованными формулами, рифмоформулами), один из рифмантов в которых является соматизмом. Приведены и описаны рифмоформулы, воплощенные в разнообразных формальных вариациях (с рифмой однородной и разнородной, открытой и закрытой, женской и мужской, с активным рифмантом-соматизмом и с пассивным) и содержащие самые употребительные в идиолекте Андрея Белого номинации частей тела и органов человека: рука (доминанта), грудь, голова, глаз, лицо, нога в позиции конечной рифмы, что дает представление об иерархии смыслов в индивидуальной языковой картине мира Андрея Белого. Утверждается, что дополнительные повторы одного или нескольких слов, частичное и даже полное цитатное совпадение строк вместе с описанными рифмоформулами усиливают внутренние связи между стихами, созданными поэтом через разные промежутки лет, как фрагментами единого огромного поэтического текста. Результаты, полученные в работе, могут оказаться интересными для литературоведов, исследующих творчество Андрея Белого и других поэтов Серебряного века. Полученные результаты могут найти применение и в практике составления словаря поэта.

Ключевые слова: рифма, Андрей Белый, соматизм, повтор.

Информация об авторе: Ольга Геннадьевна Твердохлеб — кандидат филологических наук, доцент, Оренбургский государственный педагогический университет, ул. Советская, д. 19, 460844 г. Оренбург, Россия. E-mail: ogtwr@gmail.com

Дата поступления статьи: 19.07.2018

Дата публикации: 28.09.2019

Для цитирования: Твердохлеб О. Г. Соматизмы в повторяющихся рифмах Андрея Белого // Вестник славянских культур. 2019. Т. 53. С. 193–205.

I. Возросший интерес современного языкознания к междисциплинарным исследованиям на стыке литературоведения и лингвистики, рассматривающим лексику, семантику и стилистику художественного языка в единстве с поэтикой, как мы уже отмечали ранее [18], делает наше исследование художественной речи поэзии Андрея Белого, одного из значимых представителей рубежа XIX–XX вв. в России, актуальным.

Его творчество в большей степени исследовалось в литературоведческом аспекте: в хорошо известных монографиях по стихосложению [8, с. 61, 311; 11, с. 45–47; 5, с. 5. 20–21] (см. также антологию [10], где даны разные точки зрения современни-

ков на творчество Андрея Белого); в докторских и кандидатских диссертациях, посвященных анализу конкретного произведения этого автора [19] или сопоставительному анализу с произведениями других творцов [16]. Часто литературоведческие работы находятся на стыке с философскими [17; 7]. Некоторые литературоведческие работы содержат элементы лингвистического анализа, например, исследующие динамично-свершающийся стиль в аспекте авторского «Я» в романе «Петербург» [14], пространственную символику его произведений [13]. Есть работы и лингвистического характера, посвященные, в частности, функционированию падежа существительных в его произведениях [15], либо новообразованиям этого автора [9]. Однако до сих пор остается много невыясненного.

II. Объектом данной статьи стал язык поэзии Андрея Белого. Материалом для исследования стали репрезентирующие части тела и органы человека как живой организм соматизмы [4], выданные Национальным корпусом русского языка (НКРЯ) [12] (поэтический подкорпус «Андрей Белый») по запросу: **S r:concr & (pt:partb & pc:hum)**. Полученные количественные данные: 1 104 вхождения в 351 документе, безусловно, свидетельствуют о несомненном творческом интересе Андрея Белого к тематической сфере «Тело».

Исходя из того, что самыми употребительными лексемами номинируются «доминанты языковой картины мира этноса, социальной группы или индивида» [3, с. 178], далее мы выявили наиболее частотные соматизмы, дающие представление об иерархии смыслов в индивидуальной языковой картине мира Андрея Белого. Наиболее распространенными в его стихотворных текстах оказались соматические лексеммы: грудь (91 словоупотребления), глаз (85), нога (71), голова (68) и лицо (64), а доминантой стал соматизм рука (140 случаев).

Учитывая, что соматизмы обладают «наибольшим диапазоном ассоциативных связей» [3, с. 71], мы поставили своей целью обнаружение и дальнейший анализ особенностей соматической лексики в ассоциативном синтаксисе поэтических текстов указанного автора. Последующий уточненный запрос в том же подкорпусе НКРЯ: «в зоне рифмовки» (графа «дополнительные признаки»: **rhymed**) выдал 543 вхождения соматизмов в позиции конечной рифмы, что составило почти половину случаев от общего числа обнаруженных нами соматических лексем в поэзии данного автора.

III. Исследователь творчества Андрея Белого Л. В. Лавров считает, что все произведения А. Белого образуют «единый текст» [10, с. 8]. Наша картотека показывает, что разные стихи этого поэта, написанные им в разные годы, связаны друг с другом в «непрерывную цепь», в огромный «единый текст» при помощи целого ряда рифмовок одной и той же лексеммы-соматизма с определенной лексеммой, кочующих из текста в текст (повторяясь порой до 13 раз!). Такие повторяющиеся в разных текстах автора поэтические рифмованные формы-образы мы предлагаем называть **рифмованными формулами**, или **рифмоформулами**.

Доминантный анализ соматических лексем в зоне рифмовки выявил в поэтическом языке Андрея Белого 105 стихотворных конструкций, включающих рифмоформулы, один из рифмантов в которых вербализован наиболее частотными соматизмами: рука (26 случаев), грудь (19), голова (19), глаз (17), лицо (15), нога (9). Эти контексты представлены целым рядом вариативных рифмованных формул, содержащих самые употребительные в идиолекте Андрея Белого номинации частей тела и органов человека. Опишем далее эти языковые примеры несколько подробнее (в порядке выявленной в рифмоформулах частотности соматизмов).

1. В 26 поэтических конструкциях А. Белого соматическая лексема **рука** (в формах единственного числа именительного, дательного и творительного падежа: рука, руке, рукой и множественного числа именительного-винительного, родительного и творительного падежа: руки, рук, руками) рифмуется с 6-ью разными лексемами — именами существительными (в разных формах падежа и числа). Так, номинация верхних конечностей рука представлена в вариативных рифмоформулах (рифмы однородные; открытые и закрытые; женские и мужские):

а) с лексемой мука (12 случаев — сверхчастотная рифмоформула), имеет особенности в формальных воплощениях:

1) в вариациях «руки — (в; на) муки»; «(в; от) муки — руки»; «(в) муке — руки», где рифмы открытые, женские; рифмант-соматизм использован: как ■ активное (первое) слово рифмы, ср. пример из нашей картотеки (здесь и далее все примеры приводим с учетом хронологии источника): «<...> огонь смертельной муки. / <...> / сложивши руки («Старинный друг, к тебе я возвращался...») (1903); «<...> из моря муки / <...> / Ты простираешь ввысь, как руки <...>» («Родине») (1916); и как ► пассивное (второе) слово в рифме: «Мертвеющие, посинелые от муки / Руки («Христос воскрес») (1918);

2) в вариации «мук — рук» рифма закрытая, мужская, с ■ активным рифмантом-соматизмом, ср.: «Полный радостных мук, / <...> / Тихо падает на пол из рук» («Я сижу под окном...») (1903);

б) с лексемой звук (4): «звуки — руки», где рифма открытая, женская; с ■ активным рифмантом-соматизмом, ср.: «Гуще тени. Ярче звуки. / <...> / Распластал бесцельно руки <...>» («Ночь уходит. Луч денницы...») (1905); «звук — рук», где рифма закрытая, мужская; с ■ активным рифмантом-соматизмом, напр.: «Колокольчика звук / Из скрестившихся рук» («Соблазн») (1931). Интересны два контекста, где в образном мире поэта источником звука становится один и тот же музыкальный инструмент (арфа), ср. отмеченное рамками: «И арфы звук, / <...> / И из-под рук <...>» («Жертва») (1927); « — Лицом — / — Озарилась — / — На звук <...> / Арфа — / — Струилась — / — Ручьем — / — Серебристым — / — Из рук!» («Тимпан») (1931);

в) лексемой скука (4): «скуки — руки»; «скуку — руку»; «(в) скуке — руки», где все рифмы открытые, женские, с ■ активным рифмантом-соматизмом, ср.: «В венце огня над царством скуки, / <...> / застывший маг, сложивший руки...» («Маг») (1903); «Про осеннюю мертвую скуку / <...> / Дай мне бледную, мертвую руку» («Побег») (1906);

г) с лексемой река (2): «река — рука», где рифма открытая, мужская, с ■ активным рифмантом-соматизмом, напр.: «<...> Спит река <...> / <...> / Туда грозит моя рука <...>» (Паук) (1908); «рукой — рекой», где рифма закрытая, мужская, с ► пассивным рифмантом-соматизмом, ср.: «<...> безжизненный посох / Сжимаемая холодной рукой. / <...> / Поник над родною рекой» («Каторжник») (1906–1908);

д) с лексемой тоска (2): «тоске — руке»; «(в) руке — (в) тоске», где рифмы открытые, мужские; рифмант-соматизм использован: как ■ активный, ср.: «И падает, — и пал в тоске / <...> / В протянутой, сухой руке <...>» («В летнем саду») (1906); как ► пассивный, напр.: «<...> Перчатка белая в руке; / Я — меланхолик, я — в тоске <...>» («Первое свидание») (1921);

е) с лексемой век (2): «рука — века»; «(в) века — рука», где рифмы открытые, мужские; рифмант-соматизм использован: как ■ активный, ср.: «Верю, — / В года, / В века, — / В пустые / Эти / Края / Твоя стальная рука / несет / Удар копыя» («Тебя / С востока / Мы ...») (1911); как ► пассивный, напр., «Его в пустые края / вознесла /

Стальная рука. / Секли / Мечей / Лезвия — / Не ветер: / Годы, / Века!» («В веках я спал... Но я ждал...») (1911). Рамками отмечены дополнительные повторы слов — прилагательного и родственных глаголов.

2. В 19 стихотворных конструкциях соматизм **грудь** (в формах единственного числа именительного-винительного и предложного падежа: **грудь**, в **груди** и множественного числа именительного-винительного и родительного падежа: **груди**, у **грудей**) рифмуется с шестью разными лексемами (и их префиксальными образованиями). Так, номинация передней части тела человека **грудь** (чаще представленная в нашем материале независимо от половой принадлежности и гораздо реже в качестве обычного для художественных текстов источника эстетического, чувственного наслаждения одной из наиболее привлекательных частей женского тела) обнаруживается в вариативных рифмоформулах (с однородными и разнородными, открытыми и закрытыми, женскими и мужскими рифмами).

1) Соматизм **грудь** рифмуется (однородные рифмы) с именами **существительными** (в разных формах падежа и числа), в частности, в следующих рифмоформулах (в различных формальных вариациях):

а) с лексемой **путь** (3): «**грудь — путь**»; «**путь — (в) грудь**», во всех случаях использована омофоническая рифма (вариант акустической рифмы), образованная словами с разными конечными согласными, парными по глухости — звонкости ([д']; [т']), звуковое сходство которых обусловлено свойственной русскому языку меной звонкого согласного на глухой на конце слов; рифма закрытая, мужская; рифмант-соматизм использован: как ■ активный, ср. «...Выходит, пересекши **путь**, / И острое вонзилось жало / В мою взволнованную **грудь** <...>» («Встреча») (1909); и как ► пассивный, ср.; «Горе гложет / **Грудь**, / И **путь** / Далекий» («Горе») (1906); «<...> края плэдом / Давно простуженную **грудь**, / <...> следом / Свечи указывал мне **путь**» («Первое свидание») (1921);

б) с лексемой **дождь** (2): «(в) **груди — дожди**», где рифма открытая, мужская, с ► пассивным рифмантом-соматизмом, напр.: «...Как поет **восторг**, поет в **груди**! / Оборвутся полосой студеную / Надо мной хрустальные **дожди**» («Жизнь») (1906); «**Восторги** — в воздухе расширенной **груди** / <...> / Посеребрением на нас летят **дожди**» («Снег — в вычернь севшая...») (1926). Интересно, что оба контекста с этой формой-образом содержат еще одну повторяющуюся лексему **восторг**, передавая (спустя двадцать лет) одинаковое мироощущение поэта;

в) с лексемой **орудие** (2), при этом вариации имеют особенности:

1) в вариации «**грудей — орудий**» использована омофоническая рифма (разновидность акустической рифмы), представленная двумя одинаковыми формами (множественного числа, родительного падежа имен существительных), имеющими разные окончания (-ей; -ий), звуковое сходство которых обусловлено свойственной русскому языку редукцией заударных гласных; рифма закрытая, женская; с ► пассивным рифмантом-соматизмом, ср.: «<...> Там в сотни возмущенных **грудей**; / Чугунный грохот изольет, / Рыдая, злая пасть **орудий**» («Пир») (1905);

2) в вариации «**груди — орудий**» использована йотированная рифма (широко употребительный в поэзии вариант усеченной рифмы); с ► пассивным рифмантом-соматизмом **груди** (в форме именительного падежа множественного числа) с конечным открытым слогом, оканчивающимся на гласный [и], и именем существительным **орудий** (в форме родительного падежа множественного числа) с конечным закрытым слогом, оканчивающимся на несколько скрадывающийся при произношении согласный [j],

ср.: «Вольные, восторженные грудь, / <...> / В возгласы и оргии орудий <...>» («Первое мая») (1918);

г) с лексемой люди (2): «люди — грудь»; «(у) грудь — людей», где рифма открытая, женская, с активным и пассивным рифмантом-соматизмом, ср.: «Засыпающий там у грудь: — / <...> / Там — убогие стаи людей» («Из окна вагона») (1908); «О, обступите — люди, люди: / <...> / Сомкните молнийные грудь» («Первое свидание») (1921).

2) Соматизм грудь рифмуется с глагольными формами, при этом создаются очень выразительные разнородные рифмы (состоящие из слов, относящихся к разным частям речи — имени существительному и глаголу). Обнаруживаем в рифмоформулах (вариациях):

а) с лексемой быть в форме повелительного наклонения единственного числа (с нулевой суффиксацией) будь (9 примеров): «грудь — будь»; «будь — (в) грудь», где рифма закрытая, мужская, с ■ активным рифмантом-соматизмом: «<...> мне ожерельем будь! / <...> / ввейся в грудь» («Вы — зори, зори! ясно огневые...») (1909) и с ► пассивным: «<...> Волосата грудь. / <...> / Ты моею будь» («Купец») (1908). В эту же группу добавим формы-образы, где соматизм грудь рифмуется с формой повелительного наклонения однокоренного глагола (префиксального образования: с префиксом за-): «забудь — (на) грудь»; «(в) грудь — забудь», где рифма также закрытая, мужская, с ■ активным рифмантом-соматизмом, ср.: «“Скорей / Ее забудь <...>” / <...> / К нему на грудь» («Как и всегда») (1907) и с ► пассивным, ср.: «Бил себя в грудь: / <...> / Свистал ветер: “Забудь <...>”» («Ты опять со мной») (1902). О связи двух описанных родственных глаголов (беспрефиксного и префиксального) в образном мире Андрея Белого свидетельствует и контекст с описываемой рифмоформулой, в который автором включены оба глагола: «Забудь, душа моя, но — будь! / <...> / Хотя в слезах клокочет грудь» («Гранит») (1907). Однако, в отличие от конструкций, включающих рифмоформулы с беспрефиксным глаголом, имеющим только положительную коннотацию, контексты с префиксальным глаголом реализуют семантику, наделенную поэтом и положительной характеристикой (примеры выше), и негативной, ср.: «<...> застывшая грудь. / <...> / не забудь!» («Суждено мне молчать...») (1903); «Я сказал: “Не забудь», / ... / Ты — головку склонивши на грудь» («Прогулка») (1904). Особенно эмоционально заряжены контексты с формой-образом «грудь — забудь», в которых префиксальная глагольная форма повторяется дважды (контактно, с вынесением на следующую строку): «Бил себя в грудь: / <...> / Свистал ветер: “Забудь, / забудь мечты”» («Ты опять со мной») (1902), даже трижды: «Беззвучно колыхалась / Хохочущая / Грудь; / Бубенчики / Запели: / “Забудь, / Забудь, / Забудь!”» («За порослью лиловой ...») (1911);

б) с лексемой ходить (с ее префиксальным образованием приходить; с супплетивным вариантом прийти) в формах повелительного наклонения единственного числа (с суффиксом -и) (3 контекста): «грудь — ходи», «грудь — приходи», «грудь — приди», где рифма открытая, мужская, с ► пассивным рифмантом-соматизмом, ср.: «<...> Бель-руки сложит на грудь: / <...> / “Горе, / Не ходи!”» («Горе») (1906); «Руки складывающая / На грудь: / “Приходи!”» («Приходи») (1907); «Закрыла на грудь, / <...> / Прильнули к ней: “Приди”» («Старинный дом») (1908).

3. В 19 поэтических конструкциях соматическая лексема голова (в форме единственного числа именительного, родительного и творительного падежа: голова, головы, головой/головую и множественного числа родительного, творительного падежа: голов, головами) рифмуется с семью разными именами (в разных формах падежа и числа).

Так, номинация верхней части тела голова (обычно реализовывающая семантику, связанную с рассудком и мышлением) представлена в вариативных рифмоформулах (с однородными и разнородными рифмами; открытыми, и закрытыми; женскими и мужскими).

1) Соматизм голова рифмуется с именами **существительными** (в разных формах падежа и числа) (рифмы однородные) в рифмоформулах (вариациях):

а) с лексемой слово (2): «слова — голова»; «голов — слов», где рифмы открытая и закрытая; мужская; рифмант-соматизм: ■ активный: «Окрылены слова <...> / ... / Седая голова» («Жертва») (1927) и ► пассивный: «Звук множит бестолочь голов / <...> / И в звуках нет толковых слов» («Первое свидание») (1921);

б) с лексемой ров (2): «рвы — головы», «головами — рвами», где рифмы открытые, женские и мужские; рифмант-соматизм употреблен в стихотворении «Перед старой картиной» (1911) сначала как ■ активный, а далее как ► пассивный: «Нас кроют столетий рвы. / <...> / Вкруг его стальной головы / <...> / Ночь играла над их головами / <...> / Над сырыми / Рвами».

2) Используя разнородные рифмы, поэт рифмует соматизм голова с именами **прилагательными** (в формах единственного числа, разных рода и падежа), в частности, в рифмоформулах (вариациях):

а) с лексемой снеговой (5) в форме единственного числа женского рода родительного и предложного падежа: «снеговой — (над) головой»; «(над) головой — снеговой»; рифма закрытая, мужская; с ■ активным рифмантом-соматизмом: «Сложу в могиле снеговой / <...> / над головой / Свои заламывая руки» («Год минул встрече роковой...») (1907); «Несясь вдоль крыши снеговой, / <...> / Моей косматой головой!» («Первое свидание») (1921) и с ► пассивным: «<...> когда над головой / <...> / На туче вспыхнет снеговой» («Угроза») (1905). Два случая с описываемой формой-образом обнаруживают почти цитатные совпадения, что объясняется одинаковым эмоциональным импульсом, возникающем у творца по отношению к одному и тому же лирическому герою — другому поэту В. Брюсову, ср.: «Раскатам бури снеговой / Ответствует громами эхо <...> / И катится над головой — / Тяжеловесная лавина» («Встреча») (1909); «В раскаты бури снеговой / Ответствует громами эхо; / И — катится над головой / Тяжеловесная лавина <...>» («Я обменял свой жезл змеиный...») (1909);

б) с лексемой роковой (3), где наблюдаем некоторые особенности рифмы:

1) в вариации «роковой — головой» с прилагательным в форме женского рода единственного числа творительного падежа рифма закрытая, мужская; рифмант-соматизм является ► пассивным словом, ср.: «Летая мертвой головой! / <...> / Над этой — / — Бездной — / — Роковой!» («Демон») (1929);

2) в вариации «роковую — головую» поэт рифмует прилагательное с той же вариантной флексией (-ою), что и у рифманта-имени существительного; рифма становится открытой, женской; рифмант-соматизм дан как ■ активный: «Венчая пир, с улыбкой роковую / <...> / мой верный гном несет над головую...» («На пир бежит с низин толпа народу...») (1903);

3) в вариации «роковое — головую», включающей форму имени прилагательного среднего рода единственного числа именительного падежа, рифма открытая, женская; рифмант-соматизм также дан ■ активным: «Гость: — немое, роковое, / Огневое домино — / Неживую головую / Над хозяйкой склонено» («Маскарад») (1908), при этом разные конечные гласные рифмантов в заударной позиции приглушаются при произношении;

в) с лексемой гробовой (2) в форме единственного числа мужского рода именительного падежа: «гробовой — головой», где рифма закрытая, мужская; с ■ активным рифмантом-соматизмом, ср.: «В часовне житель гробовой / к стеклу прижался головой <...> / Кроваво-красная луна / уже печальна и бледна» («Кладбище») (1898); «В часовне житель гробовой / К стеклу прижался головой; / И в стекла красные глядит» («Первое свидание») (1921). Как видим, приведенные первые две строки из разных стихотворений, написанных через промежуток более, чем двадцать лет, имеют полное цитатное совпадение;

г) с лексемой-субстантивированным прилагательным мостовой (2):

1) в вариации «(на) мостовой — головой» с прилагательным в форме предложного падежа рифма закрытая, мужская; с ► активным рифмантом-соматизмом, ср.: «На мерзлой гремит мостовой. / <...> / Прижался: поник головой <...>» («На улице») (1904);

2) в вариации «(над) мостовую — (над) голову» поэт вводит прилагательное с той же вариантной флексией (-ою), что и у рифманта-имени существительного; рифма становится открытой, женской; рифмант-соматизм дан как ■ активный, ср.: «Вознес лампаду он над мостовую, / <...> / И тучей искр взлетел над голову <...>» («На площади») (1906).

3) Соматизм голова рифмуется с притяжательным местоимением свой (3): «свой — головой»; «головой — свой», где рифма закрытая, мужская; рифмант-соматизм дан ■ активным: «Склонился; и железный свой / Он поднял жезл над головой <...>» («Я обменял свой жезл змеиный...») (1909); «Язык показывают свой, / <...> / Как гриб, напучась головой» («Лес») (1931) и ► пассивным: «И снова головой / <...> / В тулуп бараний свой» («Старинный дом») (1908).

4. В 17 стихотворных конструкциях соматическая лексема глаз (в форме единственного числа именительного, творительного падежа: глаз, глазом и множественного числа именительного-винительного, родительного, творительного и предложного падежа: глаза, глаз, глазом, глазах) рифмуется с 4-мя разными лексемами. Так, номинация основного инструмента восприятия окружающей действительности глаз представлена в вариативных рифмоформулах (с однородными и разнородными рифмами, открытыми, и закрытыми; женскими и мужскими рифмами).

1) Поэт рифмует соматизм глаз с именами **существительными** (создавая однородные рифмы), в частности:

а) с лексемой алмаз (5): «алмаз — глаз»; «глаз — алмаз»; «алмазом — глазом», где рифмы закрытые, женская и мужская; рифмант-соматизм дан ■ активным: «<...> блеснет алмазом / <...> / дозирует глазом» («Меланхолия») (1904) и ► пассивным: «Иссушает глаз <...> / ... / Продрожит — алмаз» («Деревня») (1908). Стихи с указанной формой-образом включают повторы и других лексем (глаза дважды связаны с огнем; алмаз трижды соотносится со звездами; алмаз и глаза соединены с блеском), ср. строки: «На зеркале блеснет алмазом / <...> фонарь / Огнистым дозирует глазом» («Меланхолия») (1904); «Но в звезд разметанный алмаз / <...> / Огонь жестоких, желтых глаз» («Маг») (1904–1908); «Строгими вздрогами / Глаз: / <...> / Звездочки летней / Алмаз» («Грозное облако») (1925); «И не звезды изыскренной алмаз / <...> / И блеск твоих невыразимых глаз <...>» («Сестре») (1926), что дополнительно усиливает внутренние связи этих разных строк между собой как фрагментов единой стихотворной ткани;

б) с лексемой слеза (4): «слеза — глаза»; «глазами — слезами»; «в глазах — в слезах», где находим рифмы открытые и закрытую, женские и мужскую; рифмант-со-

матизм глаза использован ■ активным: «На щеках застывает слеза. / <...> / поцелуем смыкает глаза» («Там... в низинах... ждут с верой денницу...») (1901); «Звезда — / Слеза <...> / <...> / Прострем / Глаза» («Брату») (1931) и ► пассивным: «<...> Во влажных, ласковых глазах; / <...> / В алмазно-зреющих слезах» («Асе») (1916); «Сожженными глазами, / <...> / Как молниями, — слезами» («Старый бард») (1931);

в) с лексемой гроза (3): «гроза — глаза»; «глаза — гроза», где рифмы открытые, мужские; рифмант-соматизм дан ■ активным: «Била ливнем нас гроза. / <...> / Шел ты, в даль вперив глаза <...>» («Арестанты») (1904) и ► пассивным: «Слепительно в мои глаза / <...> / И собирается гроза <...>» («Свадьба») (1906); «Твои огромные глаза! / <...> / Но — незабытая гроза <...>» («Мне грустно... Подожди... Рояль...») (1917).

2) Соматизм глаз рифмуется с личными местоимениями (1-го и 2-го лица множественного числа родительного и винительного падежа: нас и вас) (4 + 1 = 5 случаев): «(на, среди) нас — (из) глаз»; «(из) глаз — (в) нас (вас)» при помощи разнородной омофонической рифмы, образованной словами с разными конечными согласными, парными по глухости — звонкости ([з']; [с']), звуковое сходство которых обусловлено свойственной русскому языку меной звонкого согласного на глухой на конце слов; рифма закрытая, мужская; рифмант-соматизм дан ■ активным: «Ночь летит на нас / <...> / пара красных глаз» («Не страшно») (1900); «Всегда таимая среди нас: / Взирала из любимых глаз» («Первое свидание») (1921) и ► пассивным: «Лучистых глаз. / <...> / Не бойтесь нас» («Антропософии») (1918); «Остеклелой впадиною / Глаз / <...> / Прорезываются в нас» («Христос воскрес») (1918); «Не поднимающие глаз! / <...> / Жалею вас — жалею вас!» («Первое свидание») (1921).

5. В 15 поэтических конструкциях соматизм лицо (в форме единственного числа именительного-винительного и творительного падежа: лицо, лицом рифмуется с 2-мя разными лексемами — именами существительными (в разных формах падежа единственного числа). Так, номинация передней части головы лицо представлена в вариативных рифмоформулах (рифмы однородные; открытые и закрытые; мужские):

а) с лексемой кольцо (13 случаев — самая большая частотность из всех рифмоформул с рифмантом-соматизмом свидетельствующая о неугасающей ассоциативной связи в мироощущении поэта лица героя с символом «единства, господства, повинования», «крепкого узла, который воздвигает барьер»; «добровольной зависимости и узах супружества» [2, с. 231–232]): «(в) кольцо — (в) лицо», «(в) лицо — (в) кольцо», где рифмы открытые, мужские; рифмант-соматизм использован ■ активным: «В одно роковое кольцо. / <...> / Мне цифрой упорной в лицо» («Шоссе») (1904); «Палец жжет кольцо. / <...> / Плещут ей в лицо» («В деревне») (1907); «Сердишься, прячешь кольцо, / <...> / Ярые тучи в лицо» («Обручальное кольцо») (1907); «Бьется с трепетом кольцо / <...> / В лицо!» («Вы — зори, зори! ясно огневые...») (1909) и ► пассивным: «Прижму снеговое лицо. / <...> / Золотое мое кольцо» («Я в струе воздушного тока...») (1907); «Снеговое лицо / <...> / Замыкая кольцо» («Зов») (1914)] — в последних двух контекстах, созданных в разное время, видим повтор еще одной лексемы снеговое, способствующий передаче одинакового мироощущения творца. В других строках обнаруживаем еще и повторы притяжательных местоимений мой и твой, способствующих усилению внутренних связей разных контекстов между собой, ср. строки с описываемой рифмоформулой и с повторяющимся включением указания: а) на автора, напр.: «И ночь, и день бежал. Лучистое кольцо / <...> / Ржаной, зеленый вал плеснул в мое лицо — / В лицо мое» («Кольцо») (1907); «Мое лицо. / <...> / Теней кольцо» («Эпитафия») (1908); «— «Кольцо — / — Сними мое: / Мое, как лед — / Лицо!» («Кольцо»)

(1931); б) на адресата стихов, ср.: «И червонное солнца кольцо: / И — твое огневое лицо» («Асе») (1913); «Клоняюсь рассеянным лицом, / Играешь матовым кольцом» («Вячеславу Иванову») (1916); «Твое лучистое кольцо / <...> / И — ночи веют мне в лицо» («Летучим фосфором валы...») (1917);

б) с лексемой мертвец (2): «мертвецом — лицом», где рифма закрытая, мужская; с ■ активным рифмантом-соматизмом: «Она не с ним, а с мертвецом. / <...> / Над бледно бешеным лицом» («Преследование») (1906); «Рухнуть — свинцовым мертвецом: / <...> / И — черно-лиловым лицом» («Над утесами, подкинутыми в хмури...») (1922).

6. В 9 конструкциях соматизм нога (в форме множественного числа именительного-винительного и родительного падежа: ноги, ног) рифмуется с тремя разными лексемами. Так, номинация нижних конечностей нога представлена в вариативных рифмоформулах (с однородными и разнородными рифмами, открытыми и закрытыми; женскими и мужскими):

1) Андрей Белый соматизм нога (в разных формах падежа множественного числа), обычно реализовывающий семантику, связанную с передвижением, неоднократно рифмуется с именами **существительными** с пространственной семантикой, а именно:

а) с лексемой дорога (5 случаев): «(вдоль) дороги — ноги»; «ноги — дороги»; «(при) дороге — ноги»; «ноги — (по) дороге», где рифмы однородные; открытые, женские; рифмант-соматизм дан: ■ активным: «И вот вдоль заросшей дороги / <...> / «Несите меня, мои ноги»» («Не слышно зловещего грома...») (1902); «Потухли, — как в пепле, — дороги; / <...> / Склоненные / Ноги» («Марш») (1924); «И кто-то скачет вдоль дороги, / Свои вытягивая ноги» («Лес») (1931) и ► пассивным: «Измерили верные ноги / <...> / По твердой, как камень, дороге» («Путь») (1906). В последнем примере и в строках: «При дороге / <...> / «Унесите меня, / Колченогого, — / Ноги!» («Вечер!...») (1902–1929) поэт создает омофонически рифмы между существительными с разными окончаниями (-и; -е), используя звуковое сходство редуцированных заударных гласных;

б) с лексемой лог (2) «ноги — (в) логе»; «(в) лог — (у) ног», где рифма открытая и закрытая; женская и мужская; рифмант-соматизм ■ активный: «<...> рухнул в лог / <...> / простерт у мшистых ног» («Последний язычник») (1908) и ► пассивный: «Веселей ходите, ноги, / <...> / в пологом логе» («Убийство») (1908). В последнем примере создана омофоническая рифма; звуковое сходство разных окончаний (-и; -е) у рифмантов-существительных обусловлено редукцией заударных гласных. В других стихах Андрея Белого отмечаем родственные описываемому рифманту лог рифманты-имена прилагательные отлогий и пологий, также образующие рифмоформулы с соматизмом ноги: «<...> кривые / Ноги / Под склон пологий» («Привели сиротинку кривые...») (1906); «Откос под ногами песчаный, отлогий / <...> / И спелую кистью усталые ноги...» («Тень») (1906).

Приведенные контексты фиксируют неизменно возникающие в мире поэта ассоциативные связи между одними и теми же объектами земной поверхности и ногами, являющимися «символом приземленности» [2, с. 330].

2) Поэт рифмуется соматизм нога с именем **прилагательным** строгий (2) (в форме мужского рода единственного числа именительного падежа): «строгий — ноги», образуя разнородную йотированную рифму с ■ активным рифмантом-соматизмом ноги (в форме именительного падежа множественного числа) с конечным открытым слогом, оканчивающимся на гласный [и], и словом строгий с конечным закрытым слогом, оканчивающимся на несколько скрадывающийся при произношении согласный [j], ср.:

«Я встал: неуязвимо строгий, / <...> / Под потолок кидая ноги» («Пир») (1905); «С угла свисает профиль строгий / <...> / Недвижно вычерчены ноги» («Искуситель») (1908).

Таким образом, соматические лексемы в творческом наследии Андрея Белого не только значительны в количественном отношении, но и, несомненно, показывают художественные интересы поэта. Разные стихи Андрея Белого, написанные им в разные годы, связаны друг с другом в «непрерывную цепь», в «единую ткань» повторяющимися рифмовками (рифмованными формулами, рифмоформулами), в том числе с одним из рифмантов, являющимся соматизмом. Обнаруженные рифмоформулы, воплощенные в разнообразных формальных вариациях (с рифмой однородной и разнородной, открытой и закрытой, женской и мужской, с активным рифмантом-соматизмом и с пассивным), содержат самые употребительные в идиолекте Андрея Белого номинации частей тела и органов человека: рука (доминанта), грудь, голова, глаз, лицо, нога в позиции конечной рифмы, что дает представление об иерархии смыслов в индивидуальной языковой картине мира Андрея Белого. Дополнительные повторы одного или нескольких слов, частичное и даже полное цитатное совпадение строк вместе с описанными рифмоформулами усиливают внутренние связи между стихами, созданными поэтом через разные промежутки лет, как фрагментами единого огромного поэтического текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Андрей Белый: pro et contra: личность и творчество Андрея Белого в оценках и толкованиях современников: антология / сост., вступ. ст., коммент. А. В. Лавров. СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. 1046 с.
- 2 Багдасарян В. Э., Орлов И. Б., Телицын В. Л. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / под ред. В. Л. Телицына. М.: Локид-Пресс, Рипол Классик, 2005. 490 с.
- 3 Бобунова М. А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические и практические результаты, перспективы. Курск: Изд-во КГУ, 2004. 240 с.
- 4 Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Филологический подход к соматическому языку // Язык и речь как объекты комплексного лингвистического анализа. Калинин: Изд-во КГУ, 1981. С. 60–78.
- 5 Гаспаров М. Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. М.: Наука, 1974. 487 с.
- 6 Дашиева Д. Б. Изучение соматической фразеологии в современной русистике // Вестник БГУ. 2010. № 10. С. 70–73.
- 7 Демченко А. И. Андрей Белый: ракурсы символизма // Альманах современной науки и образования. 2016. № 4 (106). С. 37–46.
- 8 Жирмунский В. Рифма, ее история и теория. П.: Academia, 1923. 339 с.
- 9 Кошелева С. В. Новообразования в идиолекте Андрея Белого (на материале романов «Петербург» и «Москва»): дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2003. 181 с.
- 10 Лавров Л. В. Ритм и смысл. Заметки о поэтическом творчестве Андрея Белого // Андрей Белый: Разыскания и этюды. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 9–51.
- 11 Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 272 с.
- 12 Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 14.07.2018).

- 13 *Новик А. А.* Романы Андрея Белого «Серебряный голубь» и «Петербург» (Нереальное пространство и пространственные символы): дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2006. 17 с.
- 14 *Пресняков О. М.* Стиль Андрея Белого: Роман «Петербург»: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997. 243 с.
- 15 *Селезнева В. В.* Семантико-стилистические особенности функционирования падежа существительных в прозе Андрея Белого: дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 22 с.
- 16 *Серегина С. А.* Андрей Белый и Сергей Есенин: творческий диалог: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 145 с.
- 17 *Спивак М. Л.* Андрей Белый — мистик и советский писатель. М.: Изд-во РГГУ, 2006. 577 с.
- 18 *Твердохлеб О. Г.* «Вещность» акмеистической поэзии О. Э. Мандельштама и объекты сравнения, выраженные формой родительного падежа имени // Язык и культура. 2016. № 3 (35). С. 74–89.
- 19 *Шарапенкова Н. Г.* Роман «Москва» в поэтической системе Андрея Белого: дис. ... д-ра филол. наук. Архангельск, 2013. 40 с.

© 2019. Olga G. Tverdokhlebo
Orenburg, Russia

SOMATISMS IN RECURRING RHYMES OF ANDREI BELY

Abstract: The article highlights the relevance of nominations of human body's parts and organs in Andrei Bely's creative heritage, both in quantitative and artistic respects. The study is to show that various poems of Andrei Bely, written in different years, are connected with each other by repeated rhymes (rhymed formulas), one of which is somatism. The paper displays and describes rhymes, embodied in a variety of formal variations (with rhyme homogeneous and heterogeneous, open and closed, male and female, with active and passive rhyming somatism) and containing nominations of body parts and human organs the most common in Andrei Bely's idiolect: hand (dominant), chest, head, eye, face, leg in a position of the final rhyme, illustrative of the hierarchy of meanings in the individual linguistic worldview of Andrei Bely. The author claims that additional repetitions of one or several words, partial and even complete quotation's coincidence of lines along with the described rhymes strengthen internal communications between the verses created by the poet through different intervals of years as fragments of the one huge poetic text. The results obtained may be interesting for literary critics studying the work of Andrei Bely and other poets of the Silver age and may be used in the practice of compiling a dictionary of the poet.

Keywords: rhyme, Andrei Bely, somatism, repeat.

Information about the author: Olga G. Tverdokhlebo — PhD in Philology, Associate Professor, Orenburg State Pedagogical University, Sovetskaya St. 19, 460844 Orenburg, Russia. E-mail: ogtwr@gmail.com

Received: July 19, 2018

Date of publication: September 28, 2019

For citation: Tverdokhleb O. G. Somatisms in recurring rhymes of Andrei Bely. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 53, pp. 193–205. (In Russian)

REFERENCES

- 1 *Andrei Bely: pro et contra: lichnost' i tvorchestvo Andreia Belogo v otsenkakh i tolkovaniikh sovremennikov: antologiya* [Andrei Bely: pro et contra: personality and work of Andrei Bely in the assessments and interpretations of contemporaries: anthology], preparation, introductory article, comments by A. V. Lavrov. St. Petersburg, Izdatel'stvo RKhGI Publ., 2004. 1046 p. (In Russian)
- 2 Bagdasarian V. E., Orlov I. B., Telitsyn V. L. *Simvoly, znaki, emblemy: Entsiklopediya* [Symbols, signs, emblems: encyclopedia], edited by V. L. Telitsyna. Moscow, Lokid-Press, Ripol Klassik Publ., 2005. 490 p. (In Russian)
- 3 Bobunova M. A. *Fol'klornaia leksikografiia: stanovlenie, teoreticheskie i prakticheskie rezul'taty, perspektivy* [Folklore lexicography: formation, theoretical and practical results, prospects]. Kursk, Izdatel'stvo KGU Publ., 2004. 240 p. (In Russian)
- 4 Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Filologicheskii podkhod k somaticheskomu iazyku* [Philological approach to somatic language]. *Iazyk i rech' kak ob"ekty kompleksnogo lingvisticheskogo analiza* [Language and speech as objects of complex linguistic analysis]. Kalinin, Izdatel'stvo KGU Publ., 1981, pp. 60–78. (In Russian)
- 5 Gasparov M. L. *Sovremenny i russkii stikh. Metrika i ritmika* [Modern Russian verse. Metric and rhythm]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 487 p. (In Russian)
- 6 Dashieva D. B. *Izuchenie somaticheskoi frazeologii v sovremennoi rusistike* [The study of somatic phraseology in modern Russian]. *Vestnik BGU*, 2010, no10, pp. 70–73. (In Russian)
- 7 Demchenko A. I. *Andrei Bely: rakursy simvolizma* [Andrei Bely: perspectives of symbolism]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2016, no 4 (106), pp. 37–46. (In Russian)
- 8 Zhirmunskii V. *Rifma, ee istoriia i teoriia* [Rhyme, its history and theory]. Peteburg, Academia Publ., 1923. 339 p. (In Russian)
- 9 Kosheleva S. V. *Novoobrazovaniia v idiolekte Andreia Belogo (na material romanov "Peterburg" i "Moskva")* [Neoplasms in the idiolect of Andrei Bely (based on the novels "Petersburg" and "Moscow"): PhD thesis]. Oryol, 2003. 181 p. (In Russian)
- 10 Lavrov L. V. *Ritm i smysl. Zametki o poeticheskom tvorchestve Andreia Belogo* [Rhythm and meaning. Notes on poetic works of Andrei Bely]. *Andrei Bely: Razyskaniia i etiuudy* [Andrew Bely: Searches and sketches]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007, pp. 9–51. (In Russian)
- 11 Lotman Yu. M. *Analiz poeticheskogo teksta. Struktura stikha* [Analysis of the poetic text. Structure of the verse]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1972. 272 p. (In Russian)
- 12 *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://search.ruscorpora.ru/> (accessed 14 July 2018). (In Russian)
- 13 Novik A. A. *Romany Andreia Belogo "Serebrianyi golub'" i "Peterburg" (Nereal'noe prostranstvo i prostranstvennye simvoly)* [The novels of Andrei Bely "The Silver dove" and "Petersburg" (Unreal space and space characters): PhD thesis]. Smolensk, 2006. 17 p. (In Russian)
- 14 Presniakov O. M. *Stil' Andreia Belogo: Roman "Peterburg"* [The style of Andrei Bely: the novel "Petersburg": PhD thesis]. Ekaterinburg, 1997. 243 p. (In Russian)

- 15 Selezneva V. V. *Semantiko-stilisticheskie sobennosti funkcionirovaniia padezha sushchestvitel'nykh v proze Andreia Belogo* [Semantico-stylistic peculiarities of functioning of nominative nouns in the prose of Andrei Bely: PhD thesis]. Moscow, 1996. 22 p. (In Russian)
- 16 Seregina S. A. *Andrei Bely i Sergei Esenin: tvorcheskii dialog* [Andrei Bely and Sergey Yesenin: creative dialogue: PhD thesis]. Moscow, 2009. 145 p. (In Russian)
- 17 Spivak M. L. *Andrei Bely — mistik i sovetskii pisatel'* [Andrei Bely — a mystic and a Soviet writer]. Moscow, Izdatel'stvo RGGU Publ., 2006. 577 p. (In Russian)
- 18 Tverdokhlebova O. G. "Veshchnost" akmeisticheskoi poezii O. E. Mandel'shtama i ob"ekty sravneniia, vyrazhennye formoi roditel'nogo padezha imeni ["Materiality" of acmeistic poetry of O. E. Mandelstam and objects of comparison expressed by form of the genitive case of the name]. *Iazyk i kul'tura*, 2016, no 3 (35), pp. 74–89. (In Russian)
- 19 Sharapenkova N. G. *Roman "Moskva" v poeticheskoi sisteme Andreia Belogo* [The novel "Moscow" in a poetic system of Andrei Bely: PhD thesis]. Arkhangel'sk, 2013. 40 p. (In Russian)